

Н.К. Шильдер

**Император Александр I. Его жизнь и
царствование**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.К. Шильдер**
Император Александр I. Его жизнь и царствование: Том 2 / Н.К. Шильдер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 427 с.

ISBN 978-5-458-10815-7

Шильдер Николай Карлович (1842-1902) – русский историк, директор Публичной библиотеки в Петербурге. Написал биографии Павла I, Александра I, Николая I и Э.Н.Тотлебена. Данная книга посвящена императору Александру I – старшему сыну Павла I. С 450 иллюстрациями. С.-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1898.

ISBN 978-5-458-10815-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года онъ оставался вѣреть избранной системѣ, все болѣе привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ его уже начинали тревожить могущія произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовой исчезнуть, съ новой идеей, начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противоположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ, усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній.

Для подтвержденія справедливости подобнаго воззрѣнія на характеръ императора Александра достаточно остановиться на нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ, ознаменовавшихъ его царствованіе.

Вступивъ въ 1801 году на престолъ, Александръ выступает на политическое поприще съ нѣкоторыми симпатіями къ главѣ французскаго правительства, первому консулу Бонапарту; но когда послѣдній сдѣлался пожизненнымъ консуломъ, отношенія къ нему Александра сразу измѣнились; онъ обращается въ его глазахъ въ знаменитѣйшаго тирана всемірной исторіи. Эти непріязненные чувства Александра продолжаютъ съ каждымъ годомъ возрастать и превращаютъ его окончательно въ ожесточеннаго врага Наполеона, какъ деспота и завоевателя. Обусловленная этими чувствами политика получаетъ полное развитіе въ дѣйствіяхъ вдохновляемой имъ коалиціи 1805 года. Послѣ Аустерлицкаго погрома истекаетъ первое пятилѣтіе царствованія государя, и подготавливается новая перемѣна въ его воззрѣніяхъ.

Въ исходѣ 1806 года, Александръ вторично вступаетъ въ борьбу съ Наполеономъ, на этотъ разъ уже единоличную, но Фридрихское пораженіе 1807 года даетъ новое направленіе русской политикѣ и вызываетъ рѣшительный переломъ въ образѣ мыслей Александра. Происходитъ Тильзитское соглашеніе, и Наполеонъ дѣлается единственнымъ другомъ и союзникомъ русскаго императора. Тѣмъ не менѣе, въ 1809 году, по окончаніи войны съ Австріею, сочувствіе Александра къ Наполеону оказывается уже сильно поколебленнымъ, дружба принимаетъ сомнительный характеръ, и все предвѣщаетъ новый разрывъ съ Франціею.

Съ 1810 года отношенія между тильзитскими союзниками окончательно разстраиваются; Александръ приходитъ къ заключенію, что онъ не можетъ царствовать одновременно съ Наполеономъ, и въ 1812 году разыгрывается воинственная эпопея, заканчивающаяся только въ 1815 году окончательнымъ низложеніемъ французскаго императора.

Вѣнскій конгрессъ создаетъ новую политическую обстановку. Александръ придумываетъ Священный Союзъ, и Россія, сокрушивъ французскую имперію, силою своихъ же побѣдъ становится во главѣ реакціи

въ Европѣ. Но въ умѣ Александра еще не померкли совершенно прежніе идеалы гуманности и свободомыслія, получившіе только отъѣнокъ чуждаго ему въ прежніе годы христіанскаго мистицизма. Это настроеніе государя продолжается съ большими или меньшими колебаніями въ ту или другую сторону до 1820 года.

Со времени же Тронаускаго конгресса Александръ превращается въ безусловнаго и страстнаго поборника самыхъ крайнихъ консервативныхъ принциповъ легитимизма и дѣлается открытымъ врагомъ всякаго народнаго движенія, клонившагося къ видоизмѣненію существовавшаго политическаго устройства; подобное возрѣніе примѣняется государемъ даже и къ христіанскому населенію Востока, изнемогавшему подъ варварскимъ мусульманскимъ игомъ. При такомъ возрѣніи на событія и при связанномъ съ нимъ одностороннемъ направленіи политическихъ дѣлъ интересы Россіи отходятъ на задній планъ, и за русскою арміею, по собственному выраженію императора Александра, упрочивается значеніе одной изъ дивизій великой арміи порядка (*de la grande armée de la bonne cause*). Въ исходѣ 1822 года, послѣ Веронскаго конгресса, Александръ признается уже Меттерниху въ томъ, что вся его жизнь, насколько зависитъ отъ него, посвящена заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяннн общественнаго блага Европы (*au bien être réel de la chose publique Européenne*). Что же подразумѣвалось подъ громкимъ наименованіемъ преуспѣяннн общественнаго блага Европы? Оно заключалось въ тѣсномъ союзѣ Австріи, Пруссіи и Россіи и въ предназначеннн всѣхъ громаднхъ силъ этихъ трехъ государствъ для укрощеннн стремленнн народовъ, направленныхъ къ видоизмѣненн ихъ политическаго положеннн, гдѣ бы эти попытки ни проявляли своего существованнн.

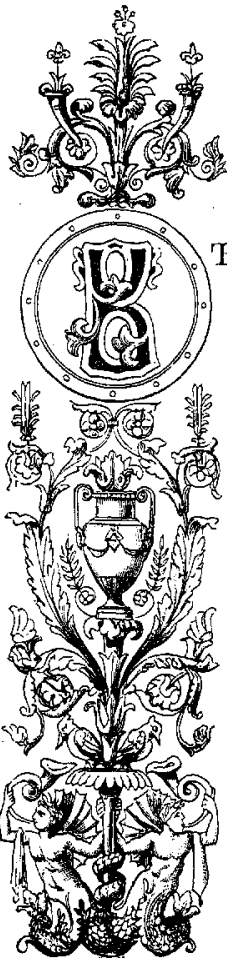
Подобное направленіе политическихъ идей императора Александра не имѣетъ уже ничего общаго съ мыслями, занимавшими его даже въ пору Отечественной войны, когда онъ среди приготовленн къ предстоящей борьбѣ съ Франціею мечталъ еще о возрожденн либеральныхъ идей въ Европѣ и предохраненн несчастнаго человѣчества отъ угрожавшаго ему варварства. «*C'est la dernière lutte de l'indépendance contre l'asservissement, des idées libérales contre le système de la tyrannie*», вотъ въ какихъ выраженнхъ Александръ опредѣлилъ значенн 1812 года, когда Наполеонъ уже перешелъ Нѣманъ, и, конечно, эти мысли не имѣли ничего общаго съ позднѣйшими идеями творца Священнаго Союза.

Кончина императора Александра въ 1825 году прерывала предстоящее дальнѣйшее и неизбежное видоизмѣненн взглядовъ, ознаменовавшихъ собою послѣднее печальное пятилѣтнн столь богатаго потрясающими событнми царствованн. Трудно опредѣлнть, какой характеръ получило бы слѣдующее затѣмъ пятилѣтнн, если бы жизнь Александра не прервалась столь внезапно. Сказать можно только то, что въ то время существовали зачатки чего-то новаго... но едва ли эта предстоявшая новизна обрадовала бы Россію...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ПЕРВОМЪ часу пополуночи съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) марта 1801 года графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла.

Горестъ Александра Павловича была неописанная; онъ заливался слезами... Въ это самое время князь Платонъ Александровичъ Зубовъ разбудилъ цесаревича Константина Павловича и привелъ его къ воцарившемуся императору.

Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ Михайловскомъ замкѣ войскамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. «C'est assez faire l'enfant», сказала Паленъ, «allez régner, venez vous montrer aux gardes»².—Исполнивъ желаніе военного губернатора, новый государь, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, отбылъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа пополуночи.

Императрица Елисавета Алексѣевна осталась въ замкѣ утѣшать вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну³.

Въ Зимній дворецъ призванъ былъ немедленно отставленный 14-го октября 1800 года отъ службы Дмитрій Прокофьевичъ Тропинскій. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «Будь моимъ руководителемъ!» Ему поручили тотчасъ же написать манифестъ о вступленіи на престолъ императора Александра Перваго.

Манифестъ возвѣщалъ слѣдующее: «Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго Родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоростижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наследственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Божѣ почивающей Августѣйшей Бабки нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознестя Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицомъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ намъ силы къ снесенію бремени нынѣ на насъ лежащаго».

Этими немногими словами, вылившимися въ минуту счастливаго вдохновенія, Тропинскій воспламенилъ сердца подданныхъ искрениѣйшею любовью къ молодому императору и успокоилъ умы, взволнованные еще пережитыми тяжелыми днями.

Присяга новому императору и наследнику, «который назначень будетъ», совершилась повсюду утромъ 12-го марта въ величайшемъ порядкѣ⁴. Среди всеобщаго ликованія всѣхъ сословій задумчивымъ и печальнымъ оставался одинъ Александръ. Смерть отца произвела на него потрясающее впечатлѣніе. На выходѣ 12-го марта поступъ его и осанка изображали человѣка, удрученнаго горестью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Вспоминая вполслѣдствіи въ откровенныхъ бесѣдахъ о событіяхъ 1801 года, Александръ говорилъ, что онъ долженъ былъ тогда скрывать свои чувства отъ всѣхъ его окружающихъ и потому нерѣдко запирался въ отдаленномъ покое и тамъ, предаваясь скорби, испускалъ глухіе стоны, сопровождаемые потоками слезъ⁵. Въ его сознаніи царская власть, которую онъ принялъ на себя столь неохотно, являлась однимъ тяжелымъ бременемъ. Видъ огорченнаго императора-сына покорилъ ему сердца всѣхъ. «Послѣ четырехъ лѣтъ», пишетъ современникъ этой эпохи, «воскресаетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юноштѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена»⁶.

Близкое къ Александру лицо написамо на другой день послѣ восшествія его на престолѣ по поводу событія 12-го марта слѣдующія правдивыя строки: «Его чувствительная душа навсегда останется растерзанною... Только мысль о возвращеніи своему отечеству утраченнаго благосостоянія можетъ поддержать его. Ничто другое не могло бы придать ему твердости. Она же необходима ему, потому что единому Богу извѣстно, въ какомъ состояніи получилъ онъ эту имперію... Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ отъ послѣдняго мужаика до высшихъ слоевъ общества; грустно, что это даже не можетъ удивлять... Я дышу свободно вмѣстѣ со всею Россією»⁷.

Эти слова любящаго его человѣка оказались пророческими. Дѣйствительно, чувствительная душа Александра навсегда осталась растерзанною событіемъ 12-го марта, и воспоминаніе о немъ не покидало его болѣе ни въ радостныя, ни въ печальныя минуты его царствованія, оно наложило неизгладимую печать на всю его послѣдующую жизнь. «Всѣ непріятности и огорченія, какія мнѣ случатся въ жизни моей, я ихъ буду носить, какъ крестъ», — сказалъ императоръ Александръ⁸.

Вся мыслящая Россія встрепенулась при извѣстии о воцареніи Александра. «Всѣ умы и сердца успокоились», пишетъ А. С. Шипковъ. Восторгъ былъ всеобщій и искренній и, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма человѣка, который четыре года, не вѣдая что творить, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство⁹. На улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія. Природа какъ бы участвовала въ общей радости: до 12-го марта погода была сырая и пасмурная, съ воцареніемъ же Александра засіяло солнце надолго¹⁰.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую вѣру, на такую радость. Всѣ съ упованіемъ взирали на юнаго государя: молодой, прекрасный собою, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ могъ очаровать всѣхъ. Россія увидѣла исполненіе пророческаго Державинскаго стиха:

«Будь на тронѣ человѣкъ».

Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ, разсѣялись, какъ зловѣщія призраки; ихъ замѣнила надежда на народное благосостояніе и на личную безопасность. Уповалъ и Александръ, что онъ сдѣлаетъ Россію счастливою, что онъ отдастъ ей лучшіе годы, лучшія силы, замолитъ грѣхъ, совершенный чужими руками, а затѣмъ, благословляемый народомъ, исполнивъ завѣтныя мечты, сойдетъ съ выпавшаго на его долю блестящаго поприща и разстанется съ царскимъ вѣнкомъ, который сдѣлался для него неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній.

Графъ Завадовскій въ своей перепискѣ посвятилъ опѣнкѣ событій 12-го марта нѣсколько своеобразныхъ строкъ: «Жиды чають мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно¹¹... благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ темныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангель съ стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряя потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя... возблагодаримъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ!»¹².

Карамзинъ оставилъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» правдивую и неподражаемую характеристику правленія Павла, пронесшагося, по его словамъ, надъ Россіею подобно грозному метеору. «Павель», пишетъ Карамзинъ, «восшелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства; но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павель сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и въ слѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россияне имѣли уже Екатерину II, знали, что гѣсударь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. — Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію россиянь, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ; отнял стыдъ у казни, у награды — прелесть; унижилъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавида въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, приученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человекъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ, соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иностранцевъ, россияне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

другъ другу и не обманывались. Какой-то дух искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности¹³. Вотъ дѣйствіе Екатеринина человѣколюбиваго

Императоръ Александръ I въ 1802 году.

Съ портрета, писаннаго Вуалемъ.

царствованія: оно не могло быть истреблено въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости... Кто былъ несчастливѣе Павла? Слезы горести лились только въ нѣдрахъ его августѣйшаго семейства,

тужили еще нѣкоторые имъ облагодѣльствованные, но какіе люди? Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости должноствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная наконецъ свѣтомъ истины, могла воззрѣть на землю и на Россію!» Въ заключеніе своей характеристики Карамзинъ говоритъ, что россияне съ величайшею надеждою устремили взоръ на внука Екатерины, давшего обѣтъ властвовать по ея сердцу.

Графъ Ростопчинъ высказалъ не менѣе правдивый приговоръ истекшему грозному четырехлѣтію въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову. Удалившись еще при жизни Павла въ деревню Вороново, Ростопчинъ писалъ: «Тридцать благодѣяній, оказанныхъ мнѣ въ четырехлѣтнее царствованіе, закрываютъ мнѣ уста, преисполнивъ душу мою вѣчною признательностію; похвала же моя его добрымъ качествамъ будетъ казаться пристрастною. Исторія безусловно отнесется къ нему съ безошадностію, но я могу засвидѣтельствовать только одно, что этотъ государь, обладая всѣми средствами славно царствовать и заставить любить себя, никогда не пользовался ни одною минутою счастья и кончилъ такъ же несчастливо, какъ прошла вся его жизнь»¹⁴.

Нѣсколько дней послѣ кончины императора Павла петербургское общество читало нарасхватъ французскіе стихи, которые ходили по рукамъ и отличались правдивостію содержанія и вѣрной оцѣнкой характера сошедшаго въ могилу самодержца¹⁵.

On le connut trop peu, lui ne connut personne;
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant, même sans la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourrut malheureux!

Повсюду въ Россіи манифестъ 12-го марта возбудилъ неподдѣльную радость; у всѣхъ отлегло на сердца, и присяга совершалась во всѣхъ городахъ съ несказаннымъ восторгомъ.

Въ Москву манифестъ былъ привезенъ 15-го марта княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Долгорукимъ; вмѣстѣ съ нимъ прибылъ новый оберъ-полиціймейстеръ Каверинъ, ненавистный же всѣмъ генералъ Эртель былъ отставленъ отъ службы высочайшимъ приказомъ отъ 12-го марта. Независимо отъ манифеста императоръ Александръ прислалъ еще фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову слѣдующій рескриптъ:

«Графъ Иванъ Петровичъ! Всевышнему угодно было пресѣчь жизнь Государя Родителя Нашего, скончавшагося въ минувшую ночь скоропостижно апоплексическимъ ударомъ, и Мы, вступя на прародительскій престолъ, послѣдуемъ извѣститъ васъ о томъ для объявленія всѣмъ вѣр-

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

нымъ нашимъ поданнымъ, въ Москвѣ пребывающимъ, о таковой перемѣнѣ судьбами Божиими свершившейся. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

«Александръ».

«Въ С.-Петербургѣ.

«Марта 12. 1801 года.

Радостная вѣсть быстро распространилась по Москвѣ, не составляя тайны для самаго простого народа. «Это одно изъ тѣхъ воспоминаній», пишетъ очевидецъ, «которыхъ время никогда истребить не можетъ: нѣмая, всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ... Всѣ обнимались какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и минутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ»¹⁶.

Однимъ изъ главныхъ стѣсненій, причиненныхъ императоромъ Павломъ, были его настойчивость и строгость въ предписаніи старомодныхъ костюмовъ, причесокъ и экипажей и тому подобныхъ, относительно ничтожныхъ, но тѣмъ не менѣе неприятныхъ мелочей. Какъ только въ Петербургѣ узнали, что государь умеръ, столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости; всѣ головы причесались à la Titus, косички были уничтожены и букли обрѣзаны; панталоны, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами показались на улицахъ. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы; экипажи съ французскою и нѣмецкою упряжью исчезли, и появились вновь русская упряжь, кучера и фореиторы; эти экипажи понесли по улицамъ по всѣмъ направленіямъ съ обычною быстрою и повсюду раздавались только крики фореиторовъ. Это движеніе среди населенія столицы, внезапно освобожденнаго отъ безсмысленныхъ запрещеній и полицейскихъ постановленій, дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что словно какимъ-то волшебствомъ съ рукъ ихъ свалились цѣпи, и что нація, вызванная изъ гроба, пробуждалась къ новой жизни¹⁷.

То же явленіе имѣло мѣсто въ Москвѣ. Очевидецъ пишетъ: «Первое употребленіе, которое сдѣлали молодые люди изъ данной имъ воли, была перемѣна костюма: не прошло двухъ дней послѣ извѣстія о кончинѣ Павла, круглыя шляпы явились на улицахъ; два черезъ четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещеніе съ нихъ не было снято; впрочемъ, и въ Петербургѣ всѣ перерядились въ нѣсколько дней. Къ концу апрѣля кое-гдѣ еще встрѣчались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ»¹⁸.

Если все происходившее въ обѣихъ столицахъ имѣло нѣкоторый видъ ребячества и легкомыслія, то оно было естественно, потому что и это жалкое право на упряжь, платье, шляпы, сапоги, было отнято самовластнымъ повелѣніемъ Павла.

Одинъ лишь неизбежный вахтъ-парадъ снова вступилъ въ свои права 13-го (25-го) марта. Императоръ вышелъ къ разводу въ одиннадцать часовъ въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича. «Ils étaient graves, mais leur figure ne disait rien», пишетъ Саблуковъ. Графъ Паленъ держалъ себя какъ всегда¹⁹. Съ этого дня императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ являлись ежедневно къ разводу; государь казался нѣсколько болѣе обыкновеннаго робкимъ и сдержаннымъ; цесаревичъ же, избавленный отъ страха, наведеннаго на него родителемъ, былъ еще суетливѣе и шумливѣе, чѣмъ прежде.

Рядъ мѣропріятій, сопровождавшихъ воцареніе Александра, оправдалъ въ полной мѣрѣ надежды, возлагавшіяся въ то время на новаго государя друзьями человѣчества.

Все отрасли государственнаго управленія приведены были къ 1801 г. въ неописанный безпорядокъ. Поэтому первыя заботы новаго правительства заключались въ отмѣнѣ перемѣнъ, внесенныхъ императоромъ Павломъ въ учрежденія своей матери, и въ возвращеніи сословіямъ и обществамъ присвоенныхъ имъ прежде правъ, попорченныхъ неограниченнымъ произволомъ, воцарившимся послѣ 6-го ноября 1796 г. Этотъ произволь прервалъ стремленіе, обнаруженное законодательствомъ Екатерины, ввести въ Россію правильную общественную организацію и начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій для ихъ гражданской самостоятельности. Александръ, подготовленный воспитаніемъ къ принятію новыхъ общественныхъ идей, обнаружилъ явное стремленіе на мѣсто слѣпой прихоти и насилія водворить законъ и справедливость. Онъ не побоялся даже открыто высказать, что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила изъ закона. Для исполненія своихъ благихъ намѣреній государю безотлагательно нужно было обновить личный составъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ въ послѣднее время Павла Петровича. Съ этого и началъ новый императоръ. Только три человѣка принесены были немедленно въ жертву общему негодованію: генераль-прокуроръ Обольяниновъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и генераль Эртель; они были уволены отъ службы безъ всякихъ преслѣдованій.

16-го марта послѣдовалъ указъ сенату: «Генераль-отъ-инфантеріи Беклешова, уволеннаго отъ службы, принявъ паки въ оную, всемилоствѣйше повелѣваемъ ему быть нашимъ генераль-прокуроромъ». Дѣйствительному тайному совѣтнику барону Васильеву было приказано вступить въ должность государственнаго казначея вмѣсто дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Державина, которому велѣно только присутствовать въ Сенатѣ. Ближайшимъ сотрудникомъ по внутреннимъ дѣламъ былъ избранъ государемъ тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Троицкій; онъ былъ назначенъ состоять при особѣ его величества у исправленія дѣлъ, по